

INNOVATIVE WORLD
Ilmiy tadqiqotlar markazi

YANGI RENESSANS

RESPUBLIKA ILMIY JURNALI

2025

+998335668868

www.innoworld.net

Google Scholar

2025

YANGI RENESSANS

RESPUBLIKA ILMIY JURNALI

2-JILD 4-SON

YANGI RENESSANS

**RESPUBLIKA ILMIY JURNALI
TO'PLAMI**

**2 - JILD, 4 - SON
2025**

Google Scholar

ADVANCED SCIENCE INDEX

www.innoworld.net

O'ZBEKISTON-2025

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЛИЧНОЙ ТРАГЕДИИ В РУССКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Маматкулов Ботир Жовлиевич

Студент 2 курса магистратуры Термезского государственного педагогического института

Дониеров Шухрат Тожибоевич

Студентка 4 курса Термезского государственного педагогического института

Аннотация. В статье рассматриваются художественно-философские особенности интерпретации личной трагедии в русской классической литературе XIX века. Особое внимание уделяется тому, как Пушкин, Гоголь, Достоевский, Толстой и Чехов создают различные модели внутреннего кризиса личности, раскрывая его психологическую, нравственную и экзистенциальную природу. Показано, что личная трагедия в русской словесности трактуется не только как частный жизненный конфликт, но и как универсальный феномен человеческого существования, связанный с поисками смысла, внутренней свободы и нравственного самоопределения.

Ключевые слова: личная трагедия; русская классическая литература; психологизм; экзистенциальный кризис; Ф. М. Достоевский; Л. Н. Толстой; А. С. Пушкин; А. П. Чехов; внутренняя коллизия; художественная интерпретация.

Интерпретация личной трагедии в русской классической литературе представляет собой один из ключевых аспектов художественного и философского сознания России XIX века, для которого исследование внутреннего мира человека оказалось не только эстетической задачей, но и способом постижения глубинных законов человеческого бытия. Личная трагедия становится не частным случаем либо выражением индивидуального несчастья, но важнейшим механизмом художественного исследования, позволяющим литераторам обнаружить в судьбе отдельного героя универсальные закономерности человеческой психологии, нравственности и экзистенциальной природы. Русская литература — в отличие от многих западноевропейских традиций — сосредотачивается прежде всего на духовной драме личности, подчёркивая её внутреннюю конфликтность, стремление к гармонии и столкновение с непреодолимыми обстоятельствами, будь то социальные условия, собственные страсти или метафизические поиски истины. Трагедия в этом контексте выступает своеобразной формой раскрытия человеческой сущности, которая проявляется наиболее полно именно в ситуациях предельного напряжения души.

Формирование специфической модели трагического мышления в русской классике восходит к романтической традиции начала XIX века, однако в отличие от западного романтизма, где трагедия зачастую рассматривается как столкновение героя с судьбой или неизбежным роком, в русской литературе главный акцент перенесён на психологическое и нравственное измерение. Уже у Пушкина личная трагедия перестаёт быть следствием внешнего воздействия и превращается в результат столкновения двух разнонаправленных движений души, двух несовместимых жизненных принципов. В этом отношении роман «Евгений Онегин» открывает характерную для русской литературы линию, в которой трагическое строится не на внешней фатальности, а на внутреннем несовпадении мировоззрений, чувств и ценностных установок. Онегин и Татьяна, являясь представителями двух различных типов культурного сознания, обречены на разрыв не из-за объективной невозможности союза, а из-за того, что каждый из них не может или не хочет переступить через собственную внутреннюю правду. Именно эта невозможность полного совпадения двух личностей становится основой трагедии, характерной для русской психологической прозы.

Вместе с тем личная трагедия у Пушкина не ограничивается историей несостоявшейся любви. Трагическая судьба Пугачёва в «Капитанской дочке» раскрывает другую модель интерпретации трагедии — как столкновения личности с исторической стихией. Однако Пушкин сознательно избегает героизации или демонизации бунтовщика, показывая, что трагедия Пугачёва обусловлена не только социальными коллизиями, но и внутренней раздвоенностью его характера, в котором свободолюбие соседствует с жестокостью, а величие — с обречённостью. Пушкинская трактовка трагического основана на принципе нравственного равновесия: трагедия возникает там, где нарушается или оказывается недостижимым внутренний моральный баланс, где человек не способен соизмерить свои стремления с реальными возможностями.

Особенно важным в развитии концепции личной трагедии становится творчество Гоголя, в котором трагическое соединяется с гротескным, приобретая форму трагикомического осмысления личности «маленького человека». Судьба Акакия Акакиевича Башмачкина в «Шинели» — это воплощение трагедии исчезновения личности, растворения индивидуальности в механистической системе бюрократического общества. Гоголь показывает, что личная трагедия может быть порождена не только внутренними противоречиями, но и тем, что социальная действительность отказывает человеку в признании его человеческого достоинства. Трагедия Башмачкина обусловлена не только внешней бедностью, но и тем, что его внутренний мир оказывается непризнанным,

незамеченным, лишённым хотя бы минимального уважения. В этом смысле Гоголь выявляет одну из важнейших черт русской литературы — внимание к человеку как существу хрупкому, ранимому, зависимому от эмоциональной отзывчивости других. Личная трагедия в гоголевской трактовке предстает как результат нравственной глухоты общества, неспособного услышать и понять слабого.

Особое место в интерпретации личной трагедии принадлежит творчеству Ф. М. Достоевского, которому удалось придать трагическому глубину метафизического измерения. Его герои существуют в состоянии внутреннего разрыва, обусловленного столкновением идеи и реальности, возвышенного порыва и нравственной ответственности, стремления к абсолютной свободе и страха перед последствиями этой свободы. Раскольников в «Преступлении и наказании» переживает трагедию как форму существования сознания, одержимого идеей, претендующей на абсолютную истину. Его преступление — попытка проверить пределы собственной свободы и доказать себе возможность выйти за рамки общепринятой морали — становится источником глубокой духовной катастрофы, которая разрастается по мере того, как он начинает осознавать несостоятельность собственной теории. Трагедия Раскольникова — это трагедия человека, который не смог вынести тяжести собственной идеи и оказался разрушен её логическими последствиями. В этом отношении трагедия у Достоевского всегда связана с философским поиском, с попыткой человека самостоятельно определить нравственные законы и убедиться в их непреложности через личное страдание.

Ещё более сложный характер имеет трагедия Ивана Карамазова, который переживает не столько внутреннее моральное падение, сколько разрушение мировоззренческого фундамента. Его «бунт» против мира, в котором страдают невинные дети, превращается в трагедию человека, утрачивающего способность согласовать свою философию с человеческими чувствами. Иван не совершает преступления в буквальном смысле, однако его внутренний кризис, его интеллектуальная неустроенность оказываются столь же разрушительными, как и преступление Раскольникова. Достоевский показывает, что трагедия может возникнуть и в том случае, когда человек пытается понять мир, не имея возможности принять его нравственную неоднозначность.

Толстой предлагает совершенно другую трактовку личной трагедии, сосредоточенную вокруг проблемы нравственного самоопределения личности. Судьба Анны Карениной — это не только история разрушительной страсти, но и глубокая драма человека, утратившего связь с собственным моральным чувством и с окружающим миром. Толстой показывает трагедию как результат постепенного отчуждения: Анна

теряет доверие окружающих, уверенность в себе, ориентиры, определявшие её место в обществе, и в конечном итоге не находит точки опоры, которая могла бы удержать её от гибели. Личная трагедия здесь связана с невозможностью примирить два полюса человеческой природы — стремление к счастью и моральный долг перед собой и другими. Толстой акцентирует внимание на внутреннем процессе: трагедия Анны развивается как постепенное разрушение души, как усиление внутреннего хаоса, приводящего к неизбежному исходу.

Особый интерес представляет и трагедия Пьера Безухова, который, в отличие от Анны, проходит путь внутреннего преображения. Его духовные поиски, сомнения, переживания, размышления о смысле жизни и предназначении человека составляют основу трагического опыта личности, стремящейся обрести гармонию в мире, полном насилия и хаоса. Толстой показывает, что личная трагедия может быть и созидательной, стать стимулом к духовному росту, переходу к новой стадии жизненного понимания. Через образ Пьера Толстой выстраивает модель трагедии-преображения, в которой страдание является необходимым условием для достижения истинного счастья.

Совершенно иного характера личная трагедия у Чехова, который представляет её как «молчаливую драму» повседневности. Трагедия его героев — Войницкого, Раневской, Тrepлева — это не внезапное событие, а медленный, незаметный, но неумолимый процесс внутреннего угасания. Чеховская трагедия — это трагедия несостоявшейся жизни, в которой мечты так и не были реализованы, таланты не раскрылись, любовь оказалась невозможной, а время уходит, не оставляя надежды на перемены. В чеховской модели трагического нет катастрофы в привычном смысле: она проявляется в мелочах, в усталости, в разочаровании, в тягостном ощущении бессмысленности существования. Личная трагедия у Чехова связана с тонким психологическим анализом, который позволяет увидеть, как внутренние противоречия, нерешительность, неуверенность или застенчивость могут разрушить жизнь человека так же неизбежно, как рок или судьба у классиков.

Русская классическая литература создаёт уникальную модель понимания личной трагедии, в которой она выступает как форма самопознания, как столкновение человека с собственными ограничениями, страстями и страхами. В отличие от западной традиции, где трагедия часто имеет героическую окраску, русская трагедия почти всегда интимна, сосредоточена на внутреннем мире личности. Она исследует не борьбу с внешними силами, а противостояние души самой себе, её путь через страдание к истине — или, напротив, к гибели. Русские писатели делают трагедию способом обнаружения подлинной сущности человека, выявления его нравственных принципов и скрытых психологических

механизмов. Именно поэтому личная трагедия в русской классике становится универсальным художественным инструментом, позволяющим понять природу человеческого существования, его смысл и внутренние пределы.

Русская классическая литература фиксирует уникальную черту национального самосознания: стремление искать истину через испытания, сомнения, страдания. В этом отношении личная трагедия оказывается не только литературным мотивом, но и философской категорией, определяющей русское понимание человека. Герои Пушкина, Гоголя, Достоевского, Толстого и Чехова, несмотря на различия их характеров, эпох, социальных ролей и мировоззрений, объединены общим свойством — способностью переживать трагедию как путь внутреннего анализа, как способ увидеть глубину человеческой души. Личная трагедия становится не только разрушением, но и формой духовного раскрытия, иногда ведущего к катастрофе, а иногда — к переосмыслению жизни.

В конечном итоге русская классическая литература утверждает, что трагедия является неотъемлемой частью человеческого существования, что именно через трагическое человек способен приблизиться к пониманию добра, справедливости, свободы и смысла. Трагедия в русской традиции — это всегда вопрос о человеке, о его внутреннем мире, о границах его ответственности и о способности к преодолению. Поэтому русская классика сохраняет свой статус универсального источника знаний о человеческой душе, оставаясь актуальной не только в литературоведческом, но и в философском, культурологическом и психологическом измерениях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30-ти т. Л.: Наука, 1972. Т. 1.
2. Мировое значение русской литературы XIX в.: учебное пособие / В.Р. Щербина, М.П. Алексеев, К.Н. Ломунов [и др.]. - Москва: Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука», 1987. - 440с. - Текст: непосредственный.
3. Трубина Л. Русская литература XX века / Учебное пособие. - М.: Инфомедиа Па-блишерз, 2008.

